

О раскопках подпольной типографии, сносе храма Спаса на Бору и диспуте по поводу выставки «Мишень»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-423>

🗣️ 14 ноября 1974

Собеседник

Виноградов Николай Дмитриевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 14 ноября 1974 и опубликована 14 октября 2017.

Введение

Третья беседа с архитектором и реставратором Николаем Виноградовым была записана в 1974 году. Рассказчику было уже восемьдесят девять лет, что объясняет некоторую сбивчивость повествования. Однако, в разговоре возникает множество интересных и редких фактов, дополняющих сюжеты двух первых встреч: разборка церкви Спаса на Бору в Кремле, снос памятников царского времени, реставрация Кремля, выдача охранных грамот и подробности встреч с Михаилом Ларионовым, Натальей Гончаровой и Львом Жегиним.

О Музее Маяковского и «окнах РОСТА»

Виктор Дмитриевич Дувакин: [Я слышал], что Макарову что-то еще продали, что есть еще какие-то «Окна РОСТА», или не Макарову, может, я и путаю. Что какая-то женщина у вас еще какие-то подлинники нашла. Но я в этом сомневаюсь.

Николай Дмитриевич Виноградов: Они все забрали*, но не все оплатили (*усмехается*) и время от времени они перечисляют.

В.Д.: Все-таки еще должны вам? За ту большую упаковку?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Макаров этот жук, то есть не жук, он просто психопат. Слышать не могу. Дикую такую вещь устроили. Ах, господи, погубили живое учреждение**! Они сделали на Мясницкой около этого самого...

* Виноградов говорит про покупку Музеем Маяковского «Окон РОСТА».

** Дувакин имеет в виду старый музей Маяковского, существовавший с 1938 года в переулке Маяковского (бывший Гендриков переулочек) в доме № 15/13. В 1974 году музей был перемещен в проезд Серова (ныне Лубянский проезд).

Н.В.: Книжного...

В.Д.: Да, напротив МГБ, сделали такой дом-пристройку, там поломали, выход сделали парадный... То есть ничего более противоположного Маяковскому придумать нельзя. Это не то метро, не то Сандуновские бани: мрамор, пышный вестибюль, и прилеплено к торцовой стене обычного четырехэтажного московского дома, стахеевского*. То есть это в глубине двора было, а теперь это выходит на Мясницкую какой-то нашлепкой мраморной, то есть до того безвкусно, что прямо проходить неприятно.

* Николай Дмитриевич Стахеев в 1890-х годах купил землю у дворянки Рожковской на улице Мясницкая и построил доходный дом № 6 с книжным магазином, который теперь известен как «Библио-Глобус».

Н.В.: Они на улице сделали мрамор?

В.Д.: На улице мрамор и внутри вестибюль, говорят, мраморный, я туда уж не входил. Я никак не могу даже себя заставить пойти туда. Я все думаю, что может быть... Теперь министр культуры у нас новый...

Н.В.: Да? А кто именно?

В.Д.: Уже знаю, сегодня объявлено — Демичев.

Н.В.: Демичев? Это что-то...

В.Д.: Это все-таки крупная более-менее фигура. Это который идеологическую комиссию возглавлял в Политбюро, так что все-таки... А то там называли совсем случайных людей. Конечно, трудно надеяться, что работник культуры. Никто из работников культуры... Говорят, Симонову предлагали. Отказался. Это было бы, конечно, интересно. Так или иначе, это чиновник, но чиновник, более квалифицированный, чем Катерина* покойная.

* Дувакин имеет в виду Екатерину Алексеевну Фурцеву.

Мне говорили, что у Макарова какой-то высокий покровитель, поэтому сколько там о нем не пишут, кто против него не боролся... Все сотрудники ушли, то есть вернее он выпихнул, часть ушла сама, часть выпихнул. Набрал с бору да с сосенки совершенно случайных людей, никакого отношения к Маяковскому, да в большинстве даже и к литературе, не имеющих, по принципу, я уж не знаю, анкетному, семейному, какому... У него там где-то есть рука. Вот, я думаю, может, теперь что-то изменится. Ну, бог с ним! Я вот только интересуюсь уже по старой памяти... Вы мне говорили, что среди тех РОСТА, которые вы за три тысячи вместе с журналами год что ли назад продали или полтора...

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Ну, вы уж были в таком положении, как сейчас... Это правильно, что продали, все-таки у них, может, цело будет... Мне очень важно было выяснить (я тогда вас спрашивал), что там все-таки подлинников уже не было.

Н.В.: Да, подлинников не было.

В.Д.: Почему я спрашиваю? Они раззванивали, что получили подлинные. Они получили, конечно, чистенькие, ваши трафареты.

Н.В.: Да, да. Точно.

В.Д.: Вот я так и думал (*усмехается*). Мне-то вы рваненькие давали, но все-таки висевшие в окне. А это, значит, то, что вы себе откладывали.

Н.В.: Да-да, на память о работе.

В.Д.: О работе, правильно. Ну, и там они вывешены и, кажется, фигурируют как подлинные. Ну, это я уж не влезал туда. Но мне интересно, если бы вы нашли еще какие-нибудь подлинные, то там могли бы быть какие-нибудь тексты. Я ведь все-таки опубликовал шестьсот двадцать, по-моему, текстов или шестьсот сорок семь номеров с вашего...

Н.В.: Маяковского?

В.Д.: Маяковского, да. В собрании сочинений. Ведь было первое, второе и третье. Третье было уже после войны. Это был третий том. Вышел он в 57-м что ли году. Я все, что можно, там понабрал. Но говорят, что сейчас нашли подлинные «Окна РОСТА». Я заинтересовался: «Что такое?!» По-видимому, это все-таки те же самые, только другие экземпляры. Вы не помните этого?

Н.В.: Третьяковка имеет...

В.Д.: Третьяковка?

Н.В.: Да.

В.Д.: Это я знаю.

Н.В.: Только они считаются подлинниками — опять-таки мои же трафареты.

В.Д.: Да-да-да. Они наклеены там очень аккуратненько. Это те, что были на выставке, которая устраивалась в 30-м году еще.

Н.В.: Посмертная выставка. Посмертная выставка Черемныха была.

В.Д.: Ах, еще была сейчас выставка Черемныха? Это я не видел. Черемныха при жизни была выставка недавно. Там три «окна» только было.

Н.В.: Нет, это было в Большом зале на Кузнецком.

В.Д.: Я был там. Только еще жив был Михаил Михайлович. Я с ним там и виделся в последний раз. Это не посмертная была, в Большом зале на Кузнецком. Может быть, потом еще была, я не знаю. А! Да, вероятно!

Н.В.: Была большая выставка. И там исключительно были из Третьяковки все моей работы.

В.Д.: Да, Михаил Михайлович умер уж лет семь-восемь.

Н.В.: Да, порядочно уже. Время так бежит, понимаете.

В.Д.: Да. А сейчас мне Волков-Ланнит сказал, что у вас сейчас, месяц назад что ли, за двести рублей какие-то еще плакаты купили. Может, и не «окна» это были. Что приходили к вам, что-то такое по Ленину, рылись и случайно нашли и дали двести рублей. Я говорю: «Почему же двести рублей — так мало?»

Вы что-нибудь знаете (*усмехается*)? Или, может, люди врут? Я потому и подумал, может, какой-нибудь еще подлинник нашли.

Н.В.: Нет-нет. Это как раз перечисляя, что они мне оплатили, они нашли, что кое-что было не оплачено, не из плакатов РОСТА, а журналы какие-то.

В.Д.: Ну, журналы, что же... Он так неопределенно говорил, так что я не могу быть в этом уверен.

Н.В.: Это кто вам говорил?

В.Д.: Вы его, наверное, и не знаете. Такой был когда-то сотрудник «Нового ЛЕФа» Волков-Ланнит. Потом он уехал, потом вернулся, сильно искалеченный. Он о Родченко сейчас книжку выпустил. Он такой старый журналист. Одно время в «Правде» работал. Так человек приличный очень, хороший человек.

Н.В.: Как фамилия, не помните?

В.Д.: Вот я вам назвал — Волков-Ланнит.

Н.В.: Ах, Волков-Ланнит.

В.Д.: Да. Странная у него фамилия — Волков-Ланнит, через дефис.

Н.В.: Не знаю.

В.Д.: Он от какой-то дамы услышал, что она была у вас и что-то раскопала, что эта дама собирается по этому поводу какой-то бум делать. Была у вас какая-то дама из... это уж, наверное, не из Музея Маяковского.

Н.В.: Бывают у меня дамы (*усмехается*). Вот недавно была из так называемого Центрального архива армии.

В.Д.: А! Вот это, наверное, она и есть.

Н.В.: Они заинтересовались очень моими дневниками.

В.Д.: Ну еще бы! Вообще, безобразие, что вас в таком черном теле держат. Вас надо было под стеклянный колпак посадить: дать хорошую квартирку, чтобы на воздухе вы были. Дневниками? Они очень давнего времени, да?

Н.В.: Да, дневники, начиная с 900-го года.

В.Д.: Ой! И там что же, партийные дела какие-то были? Ну, партийные дела меня меньше интересуют, но я понимаю, что... Ну, что же она от вас унесла, кроме дневников? Плакаты какие-нибудь уносила?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Вот, по-моему, тоже не должно было быть. «Вот вы РОСТой занимались, говорят, нашли». — «Это было полтора года назад». — «Нет, две недельки назад». Разговор был две недели. Ну, очевидно, это недоразумение. Ну, это бог с ней, вообще-то говоря. Вы писать не можете?

Н.В.: Пишу, но только, к сожалению, мою писанину никто не может прочитать (*усмехается*).

В.Д.: Что же вы пишете, голубчик?

Н.В.: Да все больше из воспоминаний.

В.Д.: Вот я и думаю, может, расскажете мне что-нибудь еще, что вам хочется. Я пришел не как раньше, с громоздким... Магнитофончик на батарееках. Может, что-нибудь и запишется.

Н.В.: Ах, вы даже с...

В.Д.: Да. Думаю, может, пригодится что-нибудь.

(Перерыв. Запись начинается с полуслова)

В.Д.: ...о том, какой он был или какой должен быть?

Н.В.: Что я сделал, когда я работал там с 29-го по 47-й год.

В.Д.: В Кремле работали с 29-го по 47-й год.

Н.В.: Да.

В.Д.: Вот это очень интересно. Вы знаете, что меня интересует всё в ваших воспоминаниях, что относится к области культуры. Кремль относится к области культуры, реставрация. Расскажите. Если вы напишете для «Москвы» — слава богу, а так все-таки где-то будет. Я, правда, теперь не очень уверен, что все уцелеет, когда я уйду, но будем надеяться на лучшее. Все-таки это Московский университет считается, как-то это приберут. А печатать это, конечно, никто у меня не будет. Так что если «Москва» что хочет взять — так на здоровье. Просто вам это в помощь.

Н.В.: У меня есть внук, который занимается радио. Он меня записал.

В.Д.: Ах, уже внук большой. Вот это, да?

Н.В.: Да. И потерял.

В.Д.: О, господи!

Н.В.: Там было три ленты. Из них он одну потерял.

В.Д.: Ну, давайте расскажите снова. Марина моя вам копию сделает, если вы сами не сделаете. Это моя помощница.

Н.В.: Вся беда-то в том, что я от него никак не выясню, какую часть он потерял.

В.Д.: О, ты, господи! Меня еще интересовало... Я сейчас посмотрел ваши карточки: ваша там биография, молодого, детство, собирались вы куда-то бежать...

Н.В.: В Америку.

В.Д.: Да, бежать в Америку. Это все очень живо рассказано. Потом 5-й год...

(Запись прерывается, возобновляется с полуслова)

Подпольная типография на Лесной

В.Д.: Вот я включил уже. Значит, о подпольной типографии на Лесной, подпольной типографии ЦК?

Н.В.: Да.

В.Д.: Давайте. Я буду просто держать микрофон, потому что он падает. Его нельзя поставить.

Н.В.: В 923-м году исполнилось пять лет советской власти.

В.Д.: Шесть лет.

Н.В.: Праздновали пятилетие.

В.Д.: Пятилетие праздновали в ноябре 22-го, в октябре.

Н.В.: 22-го?

В.Д.: Пять лет было 22-го, и это был ноябрь 22-го, а празднование перешло на 23-й год.

Н.В.: Одним словом, была организована выставка революции, это там, где Музей революции.

В.Д.: Это начало Музея революции?

Н.В.: Да-да-да. Директором этой выставки был...

В.Д.: Мицкевич, нет?

Н.В.: Черномордик.

В.Д.: Этого не знаю.

Н.В.: Помощником у него был... Сейчас выскочила фамилия. Тоже старый большевик...

В.Д.: Не Мицкевич?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Мицкевич потом был директором.

Н.В.: После Черномордика был Мицкевич. Злинченко! Злинченко был.

В.Д.: Помощник?

Н.В.: Помощник. В Клубе старых большевиков он всегда наострял уши и что-либо касательно истории сейчас же наматывал, как говорится, на ус. Так он услышал, что была подпольная типография в Москве, которая была организована по требованию Ленина в 905-м году. Этой типографией был заинтересован Бауман, а главное, так сказать, руководство от партии нес Красин.

В.Д.: Леонид Борисович.

Н.В.: Да. А поручено было это дело грузинам, которые делали подпольную типографию в Тбилиси. Она там существует до сих пор.

В.Д.: Ага. Каким же таким грузинам? *(Звук прерывается, разговор записывается с полуслова)* ...Трифон Таймуразович Енукидзе организовывал подпольную...

Н.В.: Фактически сделал ее, делал ее.

В.Д.: Там, в Тбилиси? И это был двоюродный брат Авеля Енукидзе?

Н.В.: Авеля Сафроновича Енукидзе. Он с группой грузин занялся этой самой типографией. Вот они сначала думали... Ленин настаивал, чтобы типография была в Москве, в центре России. Сначала прикидывали в каком-нибудь небольшом московском городке устроить эту типографию...

В.Д.: Ну, вроде Серпухова, Бронницы, что-то в таком роде?

Н.В.: Да-да. Милорадович мне говорит: прикинули так, что группа грузин появляется, скажем, в Серпухове. Там же русского все собаки знают. И вдруг целая группа грузин появляется.

В.Д.: Это привлечет внимание.

Н.В.: Привлечет внимание, поэтому они решили сделать там, где...

В.Д.: Потонет.

Н.В.: Да. Уже тогда решили делать это в Москве. И прикинули, всем понравился магазинчик, который они нашли рядом с тюрьмой.

В.Д.: С Бутырской?

Н.В.: Да, на Лесной.

В.Д.: Ах, Лесная улица, знаю.

Н.В.: И решили под видом магазина кавказских сухих фруктов устроить. Они обнюхали помещение. Этот самый Енукидзе прикинул, ему понравилось, что магазин имел подвал.

” Вот в этом подвальном помещении они и устроили типографию. Причем устроили таким образом: в самом подвале был только вход в эту подпольную типографию, а она была в соседнем помещении.

В.Д.: Как? Еще подвал не магазина, а соседний подвал?

Н.В.: То есть там подвал. Там у нас магазин был и при магазине комната, где семьякакая-то жила, то есть когда функционировала типография, то в этой комнате жил так называемый хозяин магазина.

В.Д.: Сухофруктов. Так, понятно.

Н.В.: У него была жена и был маленький ребенок. Вот они в этой комнатухе жили. И из подвала был сделан подземный ход под ту комнату, где...

В.Д.: Жил этот хозяин.

Н.В.: Да-да. И под ним-то именно и было устроено помещение типографии.

В.Д.: Под ним было вырыто специально помещение типографии? Неужели они сумели вырыть?

Н.В.: Вырыли, вырыли помещение.

В.Д.: Так они ходили сами туда через этот подвал, который существовал раньше?

Н.В.: Да, они спускались в подвал. В подвале они устроили так называемый поглощающий колодец. Сырость была большая везде, а ведь этот район болотистый, Лесная улица, там грунтовые воды были высоко. Они устроили колодец для поглощения этих самых вод, для осушки, что называется, официально они это сделали. А из этого колодца уже они сделали проход, вернее пролаз, там можно было только пролезть на брюхе по такой трубе...

В.Д.: В это помещение, где стояли уже типографские станки.

Н.В.: Да-да. А станок стоял, значит, под...

В.Д.: А из этого помещения был еще второй выход, из этой комнаты туда, прямо в магазин, или нет? Зачем им было эту канитель делать, а не прямо в этом подвале? Чем это больше скрывало? Уж если попадут в подвал, то и туда попадут.

Н.В.: Нет. Там было так устроено, понимаете: из этого колодца была устроена труба...

В.Д.: В соседнее помещение.

Н.В.: Да. Там небольшое расстояние: сажени полторы-две.

В.Д.: Ну, все-таки. Полторы сажени — это три метра.

Н.В.: Да-да, пролезть на брюхе, значит... Колодец этот уцелел до нашего времени, а вот где пролазить-то нужно было, это прогнило и осыпалось.

В.Д.: А это деревянный был?

Н.В.: Деревянный. Это было обшито тесом. Тес сгнил, и земля, которая была поверх этой штуки, осыпалась, получилась канава такая. Когда Злинченко узнал об этом... Была какая-то группа, старые большевики,

в свое время их отправляли в Сибирь, в Бутырки их сначала гнали, и когда они проходили мимо этого дома, то муж жене сказал, что вот в этом доме была подпольная типография.

В.Д.: Это муж жене сказал уже потом, в советское время или когда?

Н.В.: Нет, когда они шли в ссылку. Об этом было рассказано в Клубе старых большевиков.

В.Д.: Так. Уже в 23-м году.

Н.В.: Да-да. Злинченко за это ухватился. И мы с ним отправились туда на место...

Дом, в котором находилась подпольная типография. Москва, Лесная улица, 55. Источник фото: etoretro.ru

В.Д.: И взяли это восстановить? Так, да?

Н.В.: Да. Посмотреть, что осталось и нельзя ли восстановить. Ну, посмотрели, и я взялся восстановить эту штуку. Мы раскопали то, что там осыпалось и сгнило, сделали новое, а где была сама типография-то, понимаете ли, для меня была загадкой такая история: как раз над помещением типографии находилась русская печь, в комнате, где жил этот самый хозяин...

В.Д.: Якобы хозяин. Как же эта печь не провалилась.

Н.В.: ...как эта печь не провалилась (*усмехается*). При раскопках мы нашли, что осталось от типографии. Остался такой небольшой бочонок с краской типографской, на дне вершка на полтора оставалось краски, потом пачка прокламаций была напечатана «К солдатам», в 5-м году, большая такая пачка. Будучи

засыпана землей, газетная бумага, на которой было напечатано, раскисла и превратилась в кисель, эта самая прокламация-то. Мы ее так осторожно вынули, когда этот кисель просох, то можно было эту прокламацию разобрать отдельными листиками. Потом мы там нашли футляр от маузера. Один из участников как раз рассказывал. Был такой Тодорев, он жил на Масловке, это продолжение Лесной улицы, за... Как это называлось?

В.Д.: За Лесной, да? Ах, Масловка.

Н.В.: Продолжение Лесной за улицей, которая перерезала Лесную. Как она там называется?

В.Д.: Я сейчас не помню.

Н.В.: Улица, которая шла от Малой Дмитровки, от Чехова, и дальше шла...

В.Д.: А! Это Живодерка, что ли?

Н.В.: Нет, не Живодерка. Живодерка — это сейчас улица Красина.

В.Д.: Да-да.

Н.В.: А то Новослободская.

В.Д.: Новослободская.

Н.В.: Вот на Новослободской один из участников этой типографии, Тодорев, жил там и ходил в типографию работать. Однажды, когда он шел в типографию, его патруль арестовал по дороге. При нем был маузер, у него маузер отобрали, дали ему по шее, самого отпустили, а маузер забрали. Он с пустым футляром от маузера пришел в типографию и...

В.Д.: И там этот футляр бросил.

Н.В.: Бросил. Мы этот футляр нашли тоже при раскопках. Одним словом, мы это все раскопали, и затем я сделал то, что там...

В.Д.: Было.

Н.В.: А машину этот Таймуразович-то, Енукидзе, он заведовал Гознаком в это время, а в Гознаке машины были всевозможные, в том числе и такая американка, которая стояла тут. Он из этих машин Гознака нам презентовал эту машину, и мы ее водворили на место.

В.Д.: Это был действующий музейный филиал?

Н.В.: Да. И существует до сих пор.

В.Д. (удивленно): Существует до сих пор, да?

Н.В.: До сих пор, да.

В.Д.: А как же туда ходят?

Н.В.: А ходят как? Вывеска висит «Магазин сухих кавказских фруктов», и фамилия этого хозяина там написана.

В.Д.: С твердым знаком?

Н.В.: И в самом магазине стоят мешки с этими фруктами.

В.Д.: Но группа-то туда не может пойти? Туда только индивидуально ходят?

Н.В.: Нет, вход туда... Экскурсии ходят, понимаете, и отдельные лица ходят. И там написано «Музей», это на дверях.

В.Д.: Никогда не был. И она с тех пор, с 23-го года существует? Это что же, филиал Музея революции?

Н.В.: Да-да, как филиал Музея революции.

В.Д.: Ну, вот это пригодится. Значит, вы непосредственно принимали участие.

Н.В.: Я? Да, я ее реставрировал.

Снос Спаса на Бору

В.Д.: И Кремль вы реставрировали?

Н.В.: Да. Ведь я, как говорится, потомственный реставратор.

В.Д.: Почему потомственный?

Н.В.: Ведь я же реставрировал Кремль с 29-го по 47-й год. Представляете? И потом я реставрировал много и других сооружений вне Кремля.

В.Д.: Вы знали Барановского?

Н.В.: Петра Дмитриевича?

В.Д.: Да.

Н.В.: Очень хорошо. Он тоже реставратор, заядлый такой.

В.Д.: Вот я пытаюсь. Я три месяца его обхаживаю, но он в таком мраке: «Все равно все погибло, все разрушено...» И никак я его не мог уговорить, чтобы он рассказал. А ведь он много мог бы... Он до сих пор живет внутри Новодевичьего монастыря.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Я был в этой квартирке. Жена у него в Историческом музее работает. Но уговорить мне его не удалось.

Н.В.: Мария Юрьевна. От него получить... Он говорить не любитель.

В.Д.: Да. Он действительно крупный реставратор?

Н.В.: Да. Он не столько крупный, как, понимаете, заядлый реставратор (*усмехается*), одержимый совсем.

В.Д.: Николай Дмитриевич, может, вы расскажете в последовательности, что и как вы реставрировали в Кремле? Я помню, что еще тогда, на заре нашего знакомства, а мы с вами знакомы, по-моему, с 31-го или 32-го года, так вот, в 33-м или 32-м вы мне рассказывали, что Спас на Бору как раз снесли.

Н.В.: Во-во, снесли Спас на Бору тогда.

В.Д.: Вот. Старейшее московское здание?

Н.В.: Считалось так. Его датировали 1333 годом, этот Спас на Бору. Когда его разбирали, то установили, что он целиком, от низа до макушки, был заново перестроен в 1566 году.

В.Д.: А в 1333 году, что это? Фундамент?

Н.В.: А от 1333 года остались фрагменты, которые мы находили в этой новой кладке. Понимаете? Эти куски были все выбраны и сейчас находятся под звонницей рядом с Иваном Великим. Там сделано вроде музейчика такого.

В.Д.: Архитектурного.

Н.В.: Да-да. Там вот лежат фрагменты в память того, что тут был в 1333-м году выстроен Спас на Бору.

В.Д.: Спас на Бору был немножко в стороне от колокольни.

Собор Спаса Преображения на Бору в Московском Кремле. Автор Н.А. Найденов. Москва, 1882. Источник фото: wikimedia.org

Н.В.: Он стоял во дворе дворца. Почему его сломали? В 33-м году мы там делали зал Верховного Совета...

В.Д.: В 33-м году еще, наверное, не Верховного Совета, а ВЦИК или ВЦИК СССР.

Н.В.: Нет. В 33-м году готовились к XVII партсъезду.

В.Д.: Да, правильно.

Н.В.: Сталин требовал съезд провести в Кремле. Он не хотел выезжать из Кремля в Большой...

В.Д.: Большой театр.

Н.В.: Да. И вот для этого были перестроены два зала в Большом Кремлёвском дворце: зал Андреевский и Александровский. Два зала были превращены в один зал, и вот этот зал сейчас называется зал Верховного Совета. А мы делали это для XVII партсъезда. Представляете себе, Большой дворец, в котором в царское время торжества устраивались, и, несмотря на пребывание там тысячи людей, на этих торжествах, там была единственная уборная, под парадной лестницей. Вот.

В.Д.: И так это осталось... То есть тысячи людей — это уже было после революции.

Н.В.: Нет, до революции.

В.Д.: Нет, неужели тысячи людей на приемах бывали? Царских?

Н.В.: Да-да. Бывали такие торжественные, юбилейные торжества или что-нибудь в этом роде. Андреевский зал — это был тронный зал, там стоял трон. На этом троне, между прочим, был зафиксирован при одном

из Коминтернов, сидит негр, понимаете...

В.Д.: Сфотографирован был?

Н.В.: Да. И был издан номер, был такой журнал, «Прожектор»* назывался...

В.Д.: Помню.

Н.В.: И вот на обложке одного из номеров было отпечатано это.

* Прожектор. М., 1924. № 13(35) С. 27.

Джозеф Готон-Лунион (Joseph Gothon-Lunion), член V Конгресса Коминтерна, на царском троне династии Романовых в Кремле. Фотография Л. Леонидова. Москва, 1924

В.Д.: Трон, на котором сидит негр?

Н.В.: Негр, да (*усмехается*). Покровители царского строя очень возмущались: «До такого безобразия дошли!» Так вот, для того, чтобы обслуживать съезд, на который предполагалось больше трех тысяч членов, вот для них и сломали Спас на Бору. На месте Спаса на Бору выстроили дом в шесть этажей. Эти шесть этажей связаны с Большим Кремлевским дворцом и в них расположены уборные, курительные комнаты, буфеты, на каждый этаж.

В.Д.: А гостиничные номера там?

Н.В.: Нет. Там ложи дипломатического корпуса были устроены тогда. Одним словом, этот дом поглотил

Спас на Бору.

В.Д.: Да, это грустно. А Спас на Бору XV века, вот так, как он существовал, хороший был, ценный памятник?

Н.В.: Нет. Он путал историков своим видом: детали там были старые, а общей массы...

В.Д.: XV век.

Н.В.: Да. Даже XVI.

В.Д.: Даже XVI?

Н.В.: Да.

В.Д.: То есть рублевского. Нет, это послерублевского.

Н.В.: Рублевский — это XIV век. Да. Это вот как раз я принимал участие в устройстве...

В.Д.: Значит, вы не столько реставрировали, но главным образом перестраивали Кремль.

Н.В.: В данном случае это работа была по перестройке.

Золотая решетка и роспись Теремного дворца

В.Д.: А что вы реставрировали в Кремле?

Н.В.: А в это время я производил реставрационные исследования теремов. Теремной дворец XVII века постройки в XIX веке, когда строился Большой дворец, так называлось, реставрировали. Что такое реставрировали? Внутри его расписали по рисункам художника Солнцева. Роспись, которая никакой связи с XVII веком не имела.

Был отдел музеев при Комиссии Наркомпроса по охране памятников, которым ведала Троцкая, у которой правой рукой по охране памятников был Грабарь. Грабарь организовал как раз специальную комиссию реставраторов древней живописи, которые исследовали терема, нет ли там остатков прежней росписи. Эта комиссия составила акт, что никаких остатков не сохранилось. А вопреки этому я в это же время, когда занимался перестройкой дворца, как раз проводил исследования насчет этой росписи. И очень удачно сделал. Был такой замечательный реставратор иконописи Брягин Евгений Иванович, который...

В.Д.: Нашли все-таки что-то?

Н.В.: Нашли, много нашли. Во-первых, вы знаете, существует Золотая решетка. Слышали?

В.Д.: Где?

Н.В.: Ах, не слышали? Это терема, они являются пятиэтажным таким зданием. Верхние этажи имеют открытый двор, перед входом в терема — дворик, этот дворик запирается Золотой решеткой. Золотая решетка, по преданию и по всем историческим документам значилось, сделана из медных денег, которые во время Медного бунта были изъяты из обращения. Деньги эти медные, из них отлита была Золотая решетка. Итак, это официальная версия, которую вы прочтете в любом описании Кремля и в любом описании бунта и так далее. Это значит, что она сделана из медных денег.

Я лично решил установить, каким способом позолочена эта самая решетка. Ну, и перочинным ножом я сделал вскрытие в одном месте этой позолоты и констатировал, что она не медная, а железная, откована молотком, а вовсе не отлита из жидкой меди.

Фрагмент Золотой решетки Теремного дворца. Источник фото: middleages.totalarch.com

Вот это, во-первых, я открытие учинил. А Брягин установил, что за этой Золотой решеткой дворик, на который выходило крыльцо теремов, и это крыльцо называлось Золотое крыльцо. Там сидячие львы перед ним... Вы там никогда не бывали?

В.Д.: Золотую решетку я, по-моему, еще видел. Это между двумя дворцами?

Н.В.: Да-да, из Владимирского зала поднимались по лестнице на этот самый дворик, который замыкался этой решеткой. Брягин установил, что крыльцо действительно было золотое, вызолочено, а потом его раскрасили по рисункам этого самого Солнцева. Серым тоном закрыли стены, все барельефы и все прочее, и позолоту всю эту закрыли. Так вот, Брягин вскрыл позолоту, нашел. Стена этих теремов, к которой примыкало крыльцо, тоже была покрыта золотом, золотым рисунком. Вот это он мне сделал. А потом внутри теремов он нашел роспись целой палаты. Там была такая переходная палатка, из одного помещения в другое небольшой переход такой, разгорожен был впоследствии кирпичной стенкой. Эта стенка была впритык к старой стене, расписанной краской, разрисованной стене, значит, было...

(Пауза в записи)

Золотое крыльцо Теремного дворца. Автор фото К. Фишер. Москва, 1890-е – 1900-е гг. Источник фото: pastvu.com

Выставка икон и реставратор Е.И. Брягин

В.Д.: Так, пожалуйста, продолжайте, Николай Дмитриевич.

Н.В.: Значит, Грабарь вывез за границу целую выставку икон.

В.Д.: Это в каком году?

Н.В.: Это как будто в 23-м – 22-м, боюсь вам...

В.Д.: И куда же они попали?

Н.В.: Они были в Берлине, были в Париже и были в Лондоне.

В.Д.: И привез обратно?

Н.В.: Привез обратно. Он с этими иконами вывез Брягина вот этого, Евгения Ивановича, захватил туда продемонстрировать, как вскрывались записанные иконы. Когда выставка была в Париже, там было много наших эмигрантов, которые имели дело с Брягиным, вот там Морозовы и другие. Они пристали к нему, не сделает ли он расчистку имевшихся у них с собой икон. Он говорит: «Если начальство разрешит, я сделаю». Ну, они хлопотали, наш посол связался с Москвой, и им разрешили расчистить одну или две иконы. Он это сделал.

Теперь выставка собирается в Лондон. Эти голубчики, белые, являются к нему туда, на выставку, к Брягину, и говорят: «Ну, что же, вы у нас остаетесь, здесь?» — «Как остаюсь?!» — «Так ведь вам возвращаться нельзя». — «Как нельзя?» — «Так ведь вот разговор с вами». В какой-то паршивенькой эмигрантской газетке напечатано интервью с Брягиным: Брягин ругает советскую власть на чем свет стоит. Понимаете?

Когда ему прочитали эту штуку, это его так потрясло, что он сошел с ума.

В.Д.: Ох, негодяи!

Н.В.: Вернулся оттуда уже в сумасшедший дом.

В.Д.: А вернулся все-таки?

Н.В.: Да. Приехал в Москву, конечно. Здесь я его как-то...

В.Д.: Вылечили его?

Н.В.: Вылечили. Я его как раз встретил сидящим в сквере на Серпуховской площади после того, как он уже стал выходить на свет божий, когда его вылечили. Я его, значит, встретил: «Ну, как вы, Евгений Иванович (а я к нему хорошо относился), как у вас дела, работаете вы?» — «Я, — говорит, — теперь пока не работаю, пока...»

В.Д.: Если можете, говорите погромче чуть-чуть.

Н.В.: «Я, — говорит, — пока не работаю». Я говорю: «А можете работать?» — «Не знаю». Я говорю: «Вот у меня в термах не могли бы мне помочь?» — «Пожалуй, смогу». И вот я тогда его привлек к этому делу.

(Пауза в записи)

О работе по охране памятников искусства и старины. Охранные грамоты

В.Д.: А вы собирателей не знали? Щукина?

Н.В.: Как не знал? Я знал семью Щукиных: было три брата*: Петр Иванович, Дмитрий Иванович и Сергей Иванович. Три брата. Петр Иванович собирал русские древности. Дмитрий Иванович собирал монеты**, нумизмат был. А вот третий просто занимался архивами.

* Было шесть братьев: Николай, Петр, Сергей, Владимир, Дмитрий и Иван. Из них пять коллекционеров.

** Дмитрий Иванович коллекционировал картины.

В.Д.: Нет, а галерея-то?

Н.В.: А галерея? Что на Малой Грузинской?

В.Д.: Нет, галерея, которая западной живописи, кто собирал?

Н.В.: Западную живопись Щукин собирал.

В.Д.: Вот мы о Щукиных и говорим. Вы назвали трех братьев: один — нумизмат, другой — русские древности. А кто же западную живопись? Щукин какой?

Н.В.: Щукин Сергей Иванович.

В.Д.: Сергей Иванович?

Н.В.: Да.

В.Д.: Значит, четыре брата, что ли?

Н.В.: Нет. Подождите, а я что про Петра Ивановича...

В.Д.: Вы сказали, три брата Щукиных было: один собирал монеты, другой — русские древности, а третий — вы замялись.

Н.В.: Сергей Иванович, он собирал французскую живопись.

В.Д.: Вот-вот, я про этого. Этого вы знали?

Н.В.: Это в Знаменском переулке. Да. Я проводил большую работу по учету художественно-исторических ценностей, находящихся в частных руках. Было такое постановление правительства, Совнаркома, о том, что художественно-исторические ценности объявляются государственными и подлежат учету и охране. Вот этот учет я как раз проводил в Наркомате имуществ Республики.

В.Д.: Да, в котором вы были наркомом.

Н.В.: Помнаркома. Наркомом был Малиновский Павел Петрович, а я его, так сказать, заместитель.

В.Д.: Вы немножко повернитесь в эту сторону, а то вы говорите мимо микрофона. Смотрите: вот вы, вот микрофон, вот сюда, понимаете. А вы говорите вот сюда.

Н.В.: А-а-а, понятно.

В.Д.: Поэтому плохо записывается.

Н.В.: Сергей Иванович работал в Наркомате имуществ Республики на добровольных началах. Дело в том, что мы выдавали охранные грамоты...

В.Д.: У него на дому что-то вроде музея было.

Н.В.: Был музей. Он жил в Знаменском переулке.

В.Д.: Ну да, это была Щукинская галерея потом.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Сам он эмигрировал в конце концов, только не помню...

Н.В.: Эмигрировал. Ему рабочие его фабрики предъявили иск на семь миллионов рублей.

В.Д.: За что?

Н.В.: За то, что он якобы получил прибыли из их работы. И он от этих семи миллионов задал стрекача за границу.

В.Д.: Он, кажется, очень был культурный и очень приятный.

Н.В.: Очень, очень. Такой импозантный человек был, седой, большая шевелюра, высокого роста. Он у меня работал как раз по... Мы охранные грамоты выдавали на художественные ценности и на исторические ценности. Каждый владелец этих ценностей обязан был представить точные описания, точный перечень этих вещей. Мы охрannую грамоту выдавали после того, когда наш сотрудник проверит у него на месте, правильно ли составлены описи, не утаил ли чего. Только после этого мы выдавали охрannую грамоту. Так что все списки при грамотах были проверены. Мы выдали около трех тысяч грамот. Представляете, какое количество мы взяли на учет художественных ценностей.

В.Д.: Да, взяли на учет и сколько растеряли потом.

Н.В.: Да. Куда это все девалось сейчас, не знаю. Мы давали грамоты на библиотеки, на музыкальные инструменты: на рояли (*усмехается*), на пианино, на скрипки и прочее. Так что было учтено колоссальное количество...

В.Д.: А учет самих этих охранных грамот где-то велся? Куда же все это делось, не знаете? В архиве?

Н.В.: В архиве, должно быть. Вы как будто упомянули, что какой-то Богуславский работал в архиве Наркомата имуществ Республики?

В.Д.: Нет, это не я.

Н.В.: Дело в том, что мы списки передали в Наркомпрос.

В.Д.: Теоретически это должно быть в архивах Наркомпроса?

Н.В.: Да.

В.Д.: Еще при Луначарском?

Н.В.: Да, да. Три тысячи штук.

В.Д.: Охранных грамот?

Н.В.: Да.

В.Д.: Интересно.

Н.Д. Виноградов на разборе Триумфальных ворот. Москва, 1930-е гг. Источник фото: archnadzor.ru

Охранная грамота на Г.А. Пушкина

Н.В.: Ну, были и такие вещи, когда я выдавал грамоту на сына Пушкина (*усмехается*).

В.Д.: Как?

Н.В.: На него, на охрану его персоны.

В.Д.: Это который? Александр Александрович уже умер.

Н.В.: Нет, Григорий Александрович.

В.Д.: Значит, внук Пушкина?

Н.В.: Говорили, что это сын*.

В.Д.: Александр Александрович дожил до 1914 года, седой генерал такой.

Н.В.: Я его знал. Заведовал Румянцевской библиотекой**.

* На самом деле Виноградов говорит про Григория Александровича, который был не сыном, а внуком поэта Александра Сергеевича Пушкина, сыном генерала Александра Александровича Пушкина.

** Сотрудником рукописного Пушкинского отдела Государственной Библиотеки СССР имени В.И. Ленина был Григорий Александрович Пушкин, внук поэта.

В.Д.: Ах, вот как! Это я не знал. Я его фотографию видел. Он в 14-м году умер.

Н.В.: В мундире, в белых штанах.

В.Д.: В мундире генеральском. А Григорий Александрович...

Н.В.: А Григорий Александрович был безо всякого мундира. Он жил в Лопасне. В Лопасне, где его жена была учительницей, и она жила при школе. И вот местный председатель все время стремился выселить Пушкина оттуда. И вот он как-то с женой приехал в Москву, пришел к нам в наркомат с жалобой, что его допекает этот самый председатель. Я выдал ему охранную грамоту.

В.Д.: То есть на площадь, да?

Н.В. (смеется): На него самого, понимаете.

В.Д. (смеется): Чтобы его не трогали, не выселяли?

Н.В.: Это анекдот какой-то.

В.Д.: Так кому же вы выдали охранную грамоту? Кто же был его владельцем, так сказать?

Н.В.: Жена.

В.Д.: Жена владела, так (смеются).

Н.В.: Симпатичный такой был.

В.Д.: Да. А вот потом сына его я видел один раз, и был мальчишка моего возраста, то есть лет двенадцати (мне тоже в то время было). Вот этот Пушкин. Это уже был правнук. Он в Отечественную войну, говорят, был лейтенантом и погиб. Вообще, какие-то родственники там еще есть, их много же там было.

Н.В.: Вот на Севере какие-то, десятая вода на киселе. У меня есть приятель такой один, сторож лесного склада, мы с ним переписываемся. Он мне как раз сообщал, что какая-то прапрапра... Пушкина, но фамилия уже не Пушкина, а...

В.Д.: Ну, у женщин, конечно...

Н.В.: Есть (кто-то там подсчитал) около ста человек.

В.Д.: Пушкинской родни?

Н.В.: Да, связанной с Пушкиным.

В.Д.: Это, наверное, считая, что у Ланского и Натальи Николаевны было.

Н.В.: Да.

В.Д.: Вы так между делом даете очень интересные сведения. Вот насчет этих охранных грамот, может, их кто-нибудь когда-нибудь поищет, а по ним, может быть, и вещи поищут. Теперь, конечно, уж большая часть этого пропала, но все же что-нибудь, может, и уцелело.

Н.В.: Во всяком случае, будет выяснено, что существовало.

В.Д.: Да. В то время, конечно, культурные ценности берегли.

Спасение великокняжеского серебра и голицынских ковров

Н.В.: Мы выдавали охранные грамоты на всю РСФСР. Наркомат-то был РСФСР.

В.Д.: Значит, Украина вас не касалась?

Н.В.: Украины не касалось, а вот на РСФСР мы выдавали.

В.Д.: А союзных еще не было.

Н.В.: Да. Например, такой случай. В Орловской губернии был Дмитровский уезд. В этом Дмитровском уезде было имение Великого князя Михаила Александровича, брата царя.

В.Д.: Брата Николая.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Того самого, в пользу которого потом отреклись, сделали царем, так сказать, на неделю.

Н.В.: Да-да, что-то в этом роде. Я не знаю, он был царем-то или нет.

В.Д.: Ну, несколько дней.

Н.В.: Вот в это имение, значит, мы послали сотрудников. Там очень много было серебра: серебро столовое, серебро такое, например, люстры, бра. Потом мебель. Туда направили пару сотрудников. Они туда приехали. Местные крестьяне все это серебро собрали и сложили в церкви. Церковь была двухэтажная, полуподвальная, там все это серебро сложили, поставили сторожа в предел, потребовали два вагона хлеба, ржи, понимаете.

В.Д.: Ну что ж, недорого. Молодцы, что не растащили.

Н.В.: Да.

” Оттуда полетела к нам телеграмма, что вот несколько сот пудов этого серебра, за это просят два вагона хлеба. Ленин написал: один вагон. Отправили им один вагон туда хлеба и привезли вагон серебра.

В другом случае в Саратовской губернии была усадьба Голицыных. Там местный сельсовет распродал крестьянам имущество, которое находилось в усадьбе: столы, всякая всячина, всё. Значит, итальянский инкрустированный столик венецианской работы — три рубля, горшок, крынка глиняная — четыре рубля (*Дувакин ухмыляется*). Теперь, большие ковры были разрезаны по душам. Рассчитали, что на такой ковер претендентов, скажем, сорок человек, значит, на сорок частей. Семья три человека, значит, вот этих сороковок три порции отрезают.

В.Д.: Толстый был ковер?

Н.В.: Нормальные, обыкновенные ковры.

В.Д.: И большой очень, да?

Н.В.: Большие ковры, да. Их разрезали...

В.Д.: А для чего они? Такими небольшими кусочками на что они нужны?

Н.В.: Может быть, они резали не узенькой полоской, а превращали в квадраты... Два квадратика... (*усмехается*).

В.Д.: Что же, на подстилку что ли?

Н.В.: Уж я не знаю, на какой черт это нужно было, только вот такую штуку они делали.

В.Д.: Это мне запомнилось, очень врезалось. Это вы мне рассказывали в 32-м году. Только вы говорили, что это на подстилку скоту шло. Может, нет. Это же ценные вещи.

Н.В.: Да. Были составлены списки, когда распродавали-то. Значит, по этим спискам обошли участников, восстановили количество предметов и сумму для выкупа. Говорят: «Выкупайте у них, пожалуйста!» Нужно было две с половиной тысячи. Мы выслали туда две с половиной тысячи — оттуда привезли все эти подарки.

В.Д.: Спасли, да?

Н.В.: Да.

В.Д.: «Мы» — это Наркомат государственных имуществ? РСФСР?

Н.В.: Да-да. И таких анекдотов была уйма.

В.Д.: Очень интересные анекдоты. Они двусторонние: с одной стороны, показывают дикость, а с другой, — заботу.

Н.В.: Да.

Наркомат имуществ Республики

В.Д.: Расскажите, что еще помните, какие факты? Насчет ковров, я помню, вы мне еще рассказывали на заре нашего знакомства. *(Дувакин, увидев, что пленка кончается, пытается перевернуть кассету и бормочет)* Как бы не сломался стол. У вас тут мебель тоже старинная, может рухнуть *(Виноградов хихикает)*. Тут есть еще кончик... *(Перевертывает кассету, начинается с полуслова)* ...год?

Н.В.: Как?

В.Д.: Год?

Н.В.: Нет, больше.

В.Д.: Когда уже образовалось правительство РСФСР, вы этот пост занимали, или еще когда была отдельно Северная коммуна и Московская коммуна?

Н.В.: Когда еще коммуна была, я тоже работал.

В.Д.: Так в Северной коммуне? Это петербургская.

Н.В.: Нет, в Московской.

В.Д.: В Московской коммуне?

Н.В.: Был Совнарком Московской области.

В.Д.: Нет, понятия области тогда не было.

Н.В.: Губернии. Московской губернии был Совнарком. Совнарком был Петрограда, Совнарком был Северной коммуны, Совнарком Крыма был, Совнарком Сибири был, понимаете ли, одним словом...

В.Д.: Ленин-то был председателем Совнаркома какого?

Н.В.: Центрального.

В.Д.: Северной коммуны?

Н.В.: Нет, зачем. РСФСР.

В.Д.: Вот я никак не разберусь. Ведь конституция РСФСР принята в 18-м году, осенью, та, которая была отлита на пьедестале обелиска Свободы...

Н.В.: Обелиска Свободы, да. Она была принята в июле месяце.

Монумент Советской Конституции на Советской (Тверской) площади. Москва, 1920-е гг. Источник фото: wikipedia.org

В.Д.: В июле, может быть, да, 18-го года.

Н.В.: 18-го года.

В.Д.: А вот январь, февраль, март, апрель, май, июнь 18-го года как же называлась центральная власть? Совнарком.

Н.В.: Вот Московский совет существовал.

В.Д.: Так вот это Министерство государственных имуществ образовалось после конституции или раньше?

Н.В.: Когда образовывался Совнарком центральный, в Петрограде, тогда и образовался этот Наркомат государственных имуществ.

В.Д.: На базе Министерства дворцовых имуществ, что ли?

Н.В.: Нет. Министерство императорского двора и уделов, называлось. Удельное ведомство было такое, вот на этой базе и был образован этот самый наркомат. Главой наркомата был левый эсер*, который... Забыл, как его фамилия. При переезде правительства в Москву левые эсеры вышли из состава Совнаркома, отказались в знак протеста против заключенного мира...

* Народным комиссаром имуществ был Владимир Александрович Карелин.

В.Д.: Брестского.

Н.В.: Да.

В.Д.: Прошьян и Крамер, что ли?

Н.В.: Нет, фамилии русские.

В.Д.: У Ленина есть статья «Памяти товарища Прошьяна». Он был как раз...

Н.В.: Там Спиридонова была. Она была замминистра или наркома земледелия.

В.Д.: Угу. А нарком кто был, не помните?

Н.В.: Наркомом был кто-то из большевиков. Яковлев позже был...

В.Д.: Да. И перед кем же это ваше министерство отчитывалось? Кому-нибудь докладывало, что оно задумало?

Н.В.: Докладывало в Совнарком, проводились мероприятия через Совнарком. Вот этот декрет о монументальной пропаганде, он же был рассмотрен Совнаркомом, учрежден.

В.Д.: А разве декрет о монументальной пропаганде тоже вашим министерством государственных имуществ?..

Н.В.: А как же? Там в декрете что написано?

” Снять царские памятники, если они не имеют художественно-исторического значения. А вот решить этот вопрос, имеют ли они значение или нет, образована специальная комиссия этим декретом. Комиссия состояла из двух наркоматов: Наркомпроса и Наркомата имуществ Республики.

В.Д.: И кто же в этой комиссии был?

Н.В.: Вот Луначарский и Малиновский, затем еще был заведующий отделом искусств...

В.Д.: Штеренберг?

Н.В.: Штеренберг, да, Давид Петрович.

О снесенных памятниках Александру II и Александру III

В.Д.: Что же, они много сняли? Александра III, переплавили его, который у храма Христа Спасителя стоял. А Александра II в Кремле... Или где он был-то?..

Н.В.: Александр II в Кремле стоял.

В.Д.: Его что, тоже переплавили?

Н.В.: Наверное. Я даже не знаю, куда его дели.

Памятник Александру III на Пречистенской набережной. Москва, 1910-е гг.

Разбор памятника Александру III у храма Христа Спасителя. Москва, 1918

В.Д.: А Александра III перед вокзалом оставили, и он до сих пор, кажется, там в музее.

Н.В.: Он в Русском музее.

В.Д.: В Русском музее, да.

Н.В.: Он во дворе стоит, его фотографируют из окна. Этот ценили, а те переплавили.

Памятник Александру III в Санкт-Петербурге

В.Д.: А Александра II как раз был более ценный памятник.

Н.В.: В смысле антуража.

В.Д.: В художественном отношении.

Н.В.: Сама фигура не особенно, а вот антураж. Галерея такая была.

В.Д.: Да, колоннада.

Н.В.: Колоннада, ее москвичи еще называли кегельбан.

В.Д.: Кегельбан.

Н.В.: Это вы такое, наверное, слышали?

В.Д.: Слышал-слышал. Я впервые настоящие кегли увидел в этом году, а слово кегельбан слышал с детства, что Царя-освободителя...

Памятник Александру II в Кремле. Москва, начало XX века

Н.В.: И вот был такой случай. Я, Ленин и комендант Мальков... Я настаивал разобрать памятник Александру II полностью, потому что этот кегельбан не увязывался с Кремлем. А Мальков говорил: «Вот нижнюю часть мне оставьте. Мне нужен морг». Он расстреливал, не одну, которая стреляла в Ленина?

В.Д.: Каплан.

Н.В.: Не одну Каплан, а еще кого-то он расстреливал, очевидно, тогда.

В.Д.: Это под этим кегельбаном было?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Так что же сейчас на месте этого кегельбана? Это же в Кремле было?

Н.В.: Все разобрано начисто. Там просто асфальт.

В.Д.: Это что же было с той стороны? Так по фотографиям не представляю себе, где был этот кегельбан. Вот Иван Великий, Царь-пушка, пушки тут стоят.

Н.В.: Вы входите если через Спасские ворота, направо был монастырь.

В.Д.: Чудов?

Н.В.: Сперва Вознесенский монастырь. Они рядом два монастыря. В стене монастырской была дверь, так соединялись проходом. Когда вы через Спасские ворота входите, то перед вами громадная площадь — Ивановская. Во всю Ивановскую, когда там зачитывались указы, то...

В.Д.: То «кричали во всю Ивановскую».

Н.В.: Во всю Ивановскую. Это название сохранилось. Вот на этой Ивановской площади, как войдете в Кремль, как раз сразу налево был вот этот самый памятник. А направо был так называемый Малый Николаевский дворец, в котором родился Александр II, из-за этого и поставили памятник около этого места.

Разбор памятника Александру II. Слева от Спасской башни виден Екатерининский храм Вознесенского монастыря. Москва, 1918. Источник фото: moscow.drugiegoroda.ru

pastvu.com/8577 uploaded by silver44

Открытие памятника Александру II. Москва, 1898. Источник фото: pastvu.com

Между колокольней Ивана Великого и Беклемишевской башней Кремля видны шатер и колоннада памятника Александру II. Источник фото: blogpechenkin.blogspot.ru

В.Д.: Ах, Николая I? Почему он был Николаевский? Это Николая I дворец?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: И в нем родился Александр II.

Н.В.: Александр II.

В.Д.: Тогда все сходится. И там теперь часть площади?

Н.В.: Площади, да.

В.Д.: Да, много, много мы набрали.

Н.В. (указывает на портативный магнитофон «Sony»): Это вот у вас такая маленькая штучка, и записывает?

В.Д.: Да. Смотрите, вот его габариты. Вот один край, а вот другой край, а в глубину он в два раза больше, а кассета квадратная, вот такая кассетка — сорок пять минут с одной стороны, сорок пять минут с другой.

Н.В.: И сколько эта машина стоит?

В.Д.: Стоит она дорого, у меня-то она казенная, но говорят, что если в комиссионном ее покупать, то рублей пятьсот. В основном на боны такие вещи покупают.

Н.В.: У меня сто шестьдесят рублей.

В.Д.: Ну, это такой, круглый, как я возил...

Н.В.: Ящик такой.

В.Д.: Да-да, и в нем кассета ходит круглая. Это микрофон я держу в руках. Я его пробовал ставить,

но далеко получается. Ну, сейчас уже кончается, ладно... Нет, еще есть, можно. У меня и вторая про запас есть, но мы эту кончим — и хватит. Все это интересно. Такие сказки подлинные.

(Пауза в записи. Начинается с полуслова, о художнике Якулове)

Диспут по поводу выставки «Мишень»

...с Георгием Якуловым по профсоюзной линии?

Н.В.: По профсоюзной линии.

В.Д.: Вы как представитель РАБИСа, да? С Георгием Якуловым. Расскажите.

Н.В.: Ну, так он сохранился у меня в памяти в...

В.Д.: Ничего событийного?

Н.В.: Такой экстравагантный человек.

В.Д.: А как художника вы его как оцениваете?

Н.В.: А как художник он был, как говорят, левый.

В.Д.: Да. Но вы-то как раз левое искусство понимали и принимали, раз вы и японскую миниатюру собирали, и «Окна РОСТА». Ваш кругозор не был ограничен передвижниками. Но вы Якуловым не интересовались, нет?

Н.В.: Самим?

В.Д.: Ну, и живописью его.

Н.В.: Одна из работ была в собрании Ларионова: лошадь какая-то, написанная им.

В.Д.: А Ларионова ведь вы тоже знали? Вы его знали по училищу живописи?

Н.В.: Училищу живописи, да. И лично.

В.Д.: И лично знали?

Н.В.: Да.

В.Д.: И Наталью?

Н.В.: Наталью Сергеевну?

В.Д.: Да.

Н.В.: Тоже.

В.Д.: Интересная женщина была?

Н.В.: Да. Они жили тут в Козицком* переулке. У Гончаровой отец был архитектор, и он имел домишко трехэтажный на углу Козицкого и Палашевского переулков, вернее угол Палашевского и Трехпрудного переулков.

* Речь идет о Козихинском переулке, так как Козицкий – в другом месте. Адрес дома архитектора С.М. Гончарова – Трехпрудный переулоч, д. 2а

В.Д.: Знаю. Брат у меня там жил.

Н.В.: В этом доме, в котором они жили, Гончарова и Ларионов.

В.Д.: Помните их? Бывали у них?

Н.В.: Бывал.

В.Д.: Ну, что-нибудь есть вам про них рассказать?

Н.В.: Есть. Вот год я сейчас плохо помню, как будто 910-й год. Они устраивали выставку после «Бубнового валета».

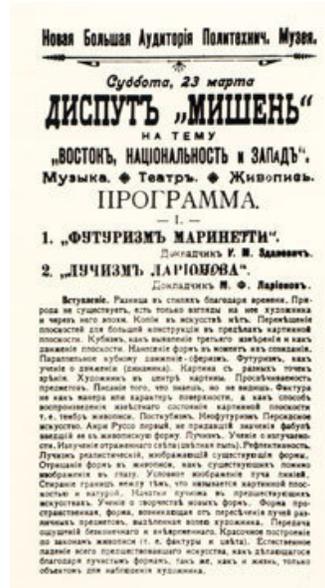
В.Д.: Так, лучизм.

Н.В.: После «Бубнового валета» они устраивали выставку, называлась она «Мишень». Это у вас отмечено, наверное?

В.Д.: Есть каталог, я знаю.

Н.В.: Всякие выставки тогда сопровождались диспутами. И был диспут по «Мишени». Диспут этот проходил в Большой аудитории Политехнического музея, где сейчас это...

В.Д.: Да-да, понятно.

Программа диспута «Мишень» Источник фото: www.arzamas.academy

Н.В.: Из провинции приехал в Москву учитель, с которым я в свое время путешествовал в Персию. Он приходит и спрашивает: «Знаете, нет ли чего такого, заняться?» Я говорю: «Вот я только что получил с почты приглашение на диспут». Даже было указано: «на эстраду» — в самое пекло. Ну, значит, вот диспут. «Пойдем, да?» — «Да, с удовольствием». Мы пришли, забрались на самый верхний ряд, оттуда взирали, что творится у ног. Доклад художника Зданевича.

В.Д.: Ильи? Нет, Илья — это поэт.

Н.В.: Зданевич, который делает доклад так: на экране (там экран колоссальный) во всю стену бюст Венеры Милосской, фотография. А он на кафедре, держит коробку картонную, в которой американские лакированные ботинки. Вот он и сравнивает, что эти ботинки, конечно, изящнее этой махины. Понимаете (усмехается). Сравнение этого бюста на весь экран и ботинки в руках этого Зданевича.

В.Д. (усмехается): Рождение дизайна.

Н.В.: Да-да. Это вся суть так сказать. Перерыв назначается. Председательствует... Был такой присяжный поверенный...

В.Д.: Кульбин?

Н.В.: Нет, другая фамилия.

В.Д.: Вермель?

Н.В.: Нет, немножко непохожая. После перерыва выступает Ларионов. Да, а при входе на диспут в кассе продавалась брошюрка, называлась «Мишень».

В.Д.: Это каталог. Она у меня была, не знаю, есть ли сейчас.

Н.В.: Значит, Ларионов читает эту штуку. Ему кричат: «Да ты расскажи своими словами, — потому что эта брошюрка у каждого в кармане, — а это мы и дома читаем». Поднялся шум, крики. Этот присяжный поверенный, председатель... *(Виноградов что-то изображает и бормочет)*.

В.Д. (поясняет изображаемое): Звонит в колокольчик.

Н.В.: Да-да, звонит в колокольчик. Ларионов выхватывает у него из рук этот колокольчик и начинает им гвоздить по голове этого председателя. Шум. Несколько человек из первых рядов вскочило на эстраду, завязалась какая-то потасовка. Пристав, который присутствовал на диспуте: «Закрываю! Закрываю собрание!» Кто-то потушил электричество. Одним словом, закончилось скандалом. И вот этот самый учитель говорит: «Лучшего вы мне не могли придумать. Такое безобразие! Интеллигентные люди и публично дерутся» *(смеются)*.

В.Д.: Маяковского там не было среди них?

Н.В.: Не помню. Да, наверно, был *(усмехается)*. Одним словом, кончилось это судом.

В.Д.: Судом даже?

Н.В.: Да, их привлекли за нарушение тишины и спокойствия, что называется. Была такая...

В.Д.: И сейчас такая статья есть.

Н.В.: К мировому их таскали. Так, бывая у них в мастерской, у Ларионова с Гончаровой, я видел на окне... Знаете ли, в былые времена водку продавали в стаканах, где дно — приблизительно полстакана стекла. Не видали таких?

В.Д.: Нет.

Н.В.: Ну и вот это днище... Тонкая часть была сбита, а днище у них валялось на окне. Я после этого скандала как-то зашел, и Наталья Сергеевна говорит: «Знаете, какой-то субъект вот этой штукой пустил в Михаила Федоровича». А я это на подоконнике видел месяца за три до этого *(усмехается)*. Пустить в него не могли. Но на суде это днище фигурировало. Их тогда оштрафовали. Не то три, не то четыре рубля штраф. Вот это мне запомнилось.

В.Д.: Сама Наталья Гончарова была очень талантливой художницей.

Н.В.: Да. Ее очень в Америке любили.

В.Д.: Да. Вы знаете такой был поэт Сергей Бобров? Сергей Павлович, нет?

Н.В.: Не читал.

В.Д.: Вот он сам записал, когда она умерла, свое слово о ней. У меня есть запись.

(Перерыв в записи. Опять с полуслова)

О картинах Ларионова и Гончаровой

Н.В.: Сын архитектора Шехтеля.

В.Д.: А, Лев Федорович Шехтель?

Н.В.: Да. Он свою фамилию переделал. Он стал...

В.Д.: Жегин.

Н.В.: Жегин, да. Это дочка директора музея Чайковского в Клину.

В.Д.: Как? Это что? Женился...

Н.В.: Жегин был директором этого музея, а это его дочка, на которой женился Шехтель.

В.Д.: И взял фамилию жены?

Н.В.: Да. И он взял фамилию жены.

В.Д.: Этого я не знал. Я думал, просто это художественный псевдоним. Чудный человек был.

Н.В.: Дело в том, что картины Ларионова и Гончаровой хранились у меня здесь на чердаке.

В.Д.: Я помню, такие отпечаточки у вас.

Н.В.: Нет, это оттиски. А то были подлинные картины.

В.Д.: Так это что, тоже Макаров забрал?

Н.В.: Нет, это к Макарову не попало.

В.Д.: Это все еще у вас?

Н.В.: Было так, что Луначарский был назначен послом в Испанию. Едучи в Испанию, он задержался в Париже. Его поймал там Ларионов и получил от Луначарского разрешение на пересылку ему туда, в Париж, работ Луначарского.

В.Д.: Кого работ? Ларионова и Гончаровой? Это вы оговорились?

Н.В.: И его, и ее.

В.Д.: Вы сказали Луначарского. Это вы оговорились?

Н.В.: Это я оговорился. Было три тысячи полотен, понимаете, у меня на чердаке лежало. Получить эти полотна Ларионов поручил Шехтелю. Выдавая ему, я взял с него расписку, и он подписывается «Жегин». Я не знал, что... Я говорю: «Что это такое?» — «А это я взял фамилию жены, чтобы меня не путали с отцом». Отец у него был знаменитый архитектор. И вот чтобы его не путали, он решил превратиться в Жегина.

Я с ним договорился так: «Эти три тысячи полотен уйдут в вечность, у нас ни черта здесь не останется. Давайте мы их пропустим через Третьяковку». Если Третьяковка найдет для себя полезным — купит. Из этих трех тысяч Третьяковка купила шестнадцать полотен. Деньги и полотна были отправлены Жегиним в Париж, и больше мы их, конечно, никогда не видели.

В.Д.: И у вас какие-то оттиски были их картин.

Н.В.: А это ихние издания.

В.Д.: Вы даже писали на них.

Н.В.: Да-да. Они издавали. Они печатались и наклеивались в книжки, которые издавались. И вот эти самые пачки отпечатков у меня и были.

В.Д.: Да-да-да. Я помню.

Н.В.: И я на них тоже писал.

В.Д.: Писали вы на них схему, на каждой бумажке сотни номеров «Окон РОСТА», какие есть, а каких нет. Я тогда у вас позаимствовал. Вот на этом кончим. Спасибо вам. Несколько сумбурно, но отсюда, при внимательном прослушивании, можно очень много набрать интересного, и совершенно разного плана факты.